

Сергей Виноградов
Год красного петуха

книга вторая

Сергей Виноградов
Год красного петуха.
Книга вторая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29603261
ISBN 9785449039897*

Аннотация

Вторая книга «Год красного петуха» включает в себя стихотворения различной тематики, написанные в конце 2017 – начале 2018 годов. Является продолжением хронологического цикла стихов «Сквозь високосный год», опубликованных ранее в двух книгах. Произведения из этих сборников становились лауреатами литературных конкурсов «Арсис» в 2016 —2017 годах.

Содержание

ОКТАБРЬ	7
Пятница, тринадцатое	7
Грустно	8
Вспомнил всё	9
Страна уродов и шутов	11
Двадцатый век	13
Такой как есть	15
Цена	16
История	17
Первый снег	18
Теперь всё в прошлом	20
Прошло сто лет	21
Сомнения	22
Мой комсомол	23
Обманщица зима	25
Такое было время	26
Итог столетия	28
Менталитет	29
Либералам	30
Толпа	31
Поздняя осень	32
Сосед ушёл	33
Отречение	35

Красный Дон	37
НОЯБРЬ	38
Совет врагам	38
Болезнь	39
Хоть это будет нелегко	40
Два Ильича	41
Каждому – своё	43
Исход	45
Юбилей	46
Расплата	47
Не везёт	49
Ангелочки	50
Любовь Иуды	51
Беспредел	52
Бог простит	53
Погост	54
Смерть	56
Кровь и надежда	58
Арифметика	60
Наша память коротка	61
На склоне лет	62
Обстоятельства	63
Октябрь №100	64
Дежавю	65
Свершилось!	67
Сны	68

Как дожить бы до утра	69
Такая вот страна	71
Разводящие	72
К Элизе	73
Полонез Огинского	74
Козёл и капуста	75
Памяти воинов-интернационалистов	76
Мим	78
Найти ответ	79
Когда уже за шестьдесят	80
ДЕКАБРЬ	81
Зима	81
Ангел	82
Совесьть	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Год красного петуха

Книга вторая

Сергей Виноградов

© Сергей Виноградов, 2018

ISBN 978-5-4490-3989-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОКТЯБРЬ

Пятница, тринадцатое

Полночь. Пятница. Тринадцатое.

И не полная луна,

Значит, можно отоспаться —

Ночью будет тишина...

Будут оборотни тихо

В эту ночь, как люди, спать

И в лесу лесное Лихо

Тоже, видимо, дремать...

Полнолуние не скоро,

Так что будем, братцы, жить!

Кто-то прямо у забора

Ляжет спать, а кто-то пить

Будет до утра с подругой

За нечётное число...

Только оборотням туго —

Нынче им не повезло!

Грустно

Сижу. Курю. Растёт гора окурков.
Проходит жизнь, как фильм, передо мной
И я в том фильме сам среди придурков,
Обиженных судьбой, да и страной.

Мне грустно от того, что на исходе
Остатков лет и я вдруг осознал,
Что жил не так, не то я делал вроде,
Теперь вот жду предсказанный финал...

Ненужный никому – стране и людям,
Друзьям ненужный, да и сам себе.
– А может просто прошлое забудем,
И плакаться не будем о судьбе?

Я прошептал душе своей пропитой,
Очередной окурочок затушив.
Душа молчала. Лишь сомнений свита
Вокруг меня шепталась: вроде жив...

Вспомнил всё

Я вспомнил всё: что было – не было,
Кем был и не был никогда,
Такое же, как нынче, небо,
Послевоенные года,
Когда родился мальчик где-то
И этим мальчиком стал я
И в августе далёким летом
Мною пополнилась семья.
Потом я вырос и однажды
Забыл про всё: про мать, про дом,
Стал слишком смелым и отважным,
Оставив встречи на потом.

Я строил жизнь свою умело —
Сам по себе, как я хотел.
И к маме мне порой хотелось,
Но было слишком много дел.

И вот однажды мне приснился
Я – очень старый и седой,
Как будто к маме я явился,
А мамин дом давно пустой...

Всё тот же стол и табуретки
И тот же старенький диван,

В буфете мамины таблетки,
В шкафу знакомый сарафан...

Я вспомнил всё. Но слишком поздно.
Теперь мне маму не вернут
Ни покаяние, ни слёзы
Даже на несколько минут...

Но я и в снах её не встречу
И от того давно не сплю.
Напрасно ставлю Богу свечку,
Я и за век не отмолю
Мой грех великий перед мамой.

...Я вспомнил всё. Все наши дни,
Но в молодости все упрямы,
Нам часто просто не до мамы,
А в результате вновь одни...

Страна уродов и шутов

На карнавале жизни я лишь шут,
Не прячущий своё лицо под гримом,
Я каждый день свой правый суд вершу,
Но все мои слова проходят мимо —
Мимо пустых сердец и мрачных душ.
Напялив на себя чужие маски,
Они несут свою святую чушь,
Немного правды, очень много ласки...

И вот уже обласканный народ
Валит толпой на митинги и сходки,
А тот, под маской, истинный урод
Ведёт народ уверенной походкой
В свой будущий февраль или октябрь,
И вдоволь насмеявшись над шутами,
Ещё не понимает, что он – раб,
Смеётся над собой, а не над нами...

...Когда-нибудь прозреет вновь страна
И с идолов своих все сбросив маски,
Увидит вдруг – под маской сатана,
И всё, что обещал он, просто сказки.
Все истины достаточно просты,
К тому же их не раз мы проходили:
Нам правду говорят всегда – шуты,

Какая есть. Но мы, видать, забыли...

Двадцатый век

Двадцатый век – век революций,
Добра и зла. Любви и бед.
Век смены вех и Конституций.
Век поражений и побед...

В двадцатом веке я родился
И, значит, век двадцатый – мой.
Я вырос с ним и с ним простился
Уже далёкой, той зимой...

Теперь о нём осталась память
И много лжи о нём вокруг.
Сменилось всё: страна и знамя,
Сомкнув тысячелетний круг...

И вот уж новые герои
Возводят вновь на пьедестал
Те буржуазные устои,
Что век двадцатый разметал

Народу дав мир и свободу...
И я был счастлив в веке том.
Век двадцать первый – век разброда,
Где все забыли о святом.

О долге, совести и чести,

О том, что не в чести давно...

А мне с двадцатым веком вместе

Остаться в прошлом суждено.

Такой как есть

Полвека там, полвека здесь —
Живу на два тысячелетия
Такой как был, такой как есть,
Даст Бог отпраздную столетие.
Ну, а не даст, ему видней,
Выходит, сделал всё, что в силах.
Таким, как есть, остаток дней
Жить буду, только б сил хватило...

Цена

Во все века и времена
У правды есть своя цена
Бесценна только наша жизнь...
– Эй, шут, а, ну-ка покажись —
Кричит из царственных дворцов
Кому-то свора подлецов —
Явись и правду нам скажи,
И кто здесь кто – всем докажи!
И шут пришёл. И рассказал
И кто есть кто всем показал.
Ну, а потом, сорвав рубаху,
Шута отправили на плаху,
Чтоб место знал. Его ж вина
Лишь в том, что есть всему цена...

История

Не нам судить историю сегодня,
Тем более, что было, сочинять.
История есть замысел Господний
И мы его таким должны принять.
До хрипоты не спорить об итогах,
Что было бы, чего могло не быть.
История и мы в ней – все от Бога,
Чем нагло врать, уж лучше всех любить...

Первый снег

Что же, осень, ты с моим
Парком сделала —
Были рыжими деревья
Стали белыми?
Стал похож парк на меня
На седого
Или к нам пришла зима
Снова?
Но пока ещё октябрь.
Середина.
И совсем не по душе
Мне картина,
Та, что вдруг нарисовал
Твой художник,
Но, надеюсь, что её
Смоет дождик...
И вновь парк мой
Заблестит позолотой,
Ведь кому же стариком
Быть охота?
Так что, осень,
Ты не старь нас напрасно —
Не меня и не себя.
Ты согласна?
... Жаль, ответить, видно, сил

Не хватило,
Но пол осени ещё
Моросило...

Теперь всё в прошлом

Сто дней осталось до зимы
И это лето
Промчалось вместе с жизнью
Незаметно.

И незаметно вместе с жизнью
Мы сидели.
Лет не считали,
Только лишь недели...

Недели тёплых дней.
Теперь всё в прошлом
И голова не снегом
Припорошена —
В ней иней лет,
Но он, увы, не тает
И старость уже где-то здесь
Витает...

Прошло сто лет

Прошло сто лет. Такой же вечер.
Такой же, как тогда, октябрь.
И носит листья клёнов ветер
И на Неве всё та же рябь...
Как будто время вдруг застыло,
Но Смольный тот же, как тогда,
А всё, что будет, всё забылось
И не случится никогда...
Не будет выстрела «Авроры»
Никто не будет Зимний брать
И никаких о прошлом споров
И никому не надо врать...
Но то, что было – то и было —
Матросы в Зимнем и костры
И революция уныло
Вползала в тихие дворы.
И утром было всё иначе —
И был Октябрь уже не тот.
Страна пока ещё не плачет —
Она заплачет через год,
Когда в бою схлестнутся братья
За мать, за Родину, за Русь.
И как она смогла остаться
В живых тогда? Знать не берусь...

Сомнения

Сомнения в душе вряд ли от Бога —
Они скорее в нас от сатаны,
Когда осталось веры так немного,
Намного больше нынче в ней вины...

Но мы пред Богом вряд ли виноваты,
Скорее виноваты пред собой,
Ведь мы не просто люди – мы солдаты,
Мы без сомнений лезем только в бой...

И убиваем без сомнений себе равных,
Ведь если не убьём, то нас убьют,
Но умирать не хочется бесславно,
Забыв про то, как мамы слёзы льют
По всем убитым в этой страшной бойне,
В бессмысленной до ужаса войне...
И кто кого окажется достойнее —
В сомнениях моих судить не мне.

Мой комсомол

Сегодня комсомолу-старичку
Девяносто девять —
Слава и почтение!
С ним повидали много на веку,
Но я давно своих болячек пленник...
А он, как и Ильич,
Всегда живой!
В свои девяносто девять —
Вечно юный
И вечно молодой,
А я – седой...
Мне по годам его не переплюнуть.

До возраста его
Мне не дожить,
А, может быть,
Стремиться и не надо.
Мне надоело
Партиям служить,
Жизнь превращая
В шоу на эстрадах...

Мой комсомол
Живёт со мной во мне
И, слава Богу,

Из ума не выжил.
Но, если и служил —
Своей стране...
...Хоть той страной
На старости унижен.

Обманщица зима

Белый снег, как летний ливень,
Вдруг обрушился с небес...
Отчего же я счастливый
И какой мой интерес?
Интерес простой – дождался
Наконец-то я зимы!
Вот он – снег! Он здесь остался
Среди серости и тьмы
Долгой осени проклятой.
Побелил вокруг дома.
Много радости ребятам
Неожиданно зима
Принесла ноябрьским утром.
Только снег тот был – вода...
Словно не было, как будто,
И не будет никогда
И ни снега, ни зимы...
А её так ждали мы!

Такое было время

Такое время. Открываем монументы
Не палачам, а жертвам. Октября.
И вспоминая страшные моменты,
Кого-то проклиная снова. Зря.

Но вряд ли мы найдём успокоение,
Своей душе, её разворошив...
Быть может, и найдём, но на мгновение,
Свой страшный и ненужный суд свершив.

Над кем же суд? Над прошлым или будущим?
И в назидание кому? Самим себе?
И возведя стену, кому послужим,
Оставив новый шрам в чужой судьбе?

В судьбе не палачей. Лишь их потомков,
Тех, кому жить ещё и жить и жить...
Но список жертв, прочтя в лицо им громко,
Мы прошлое не сможем завершить.

Сегодня нам нужны совсем не стены,
А скорбь оставив лично для себя,
Должны мы примириться непременно,
Россию нашу общую любя.

И палачи – они ведь тоже жертвы,
А жертвы – палачей бы извели...
Такое было время. Все мы смертны.
И так мы сделали уже всё, что смогли.

Итог столетия

Мы не умеем жить по середине,
Любовь и ненависть – вот наши два крыла.
Россию почитаем, как богиню,
И тут же проклинаям. Не со зла.

А потому – иначе жить не можем:
То рушим храмы и пускаем кровь,
То строим мир – прекрасный и безбожный,
Его же низвергая вновь и вновь...

И так из века в век. И век двадцатый
От тех, других, ничем не отличить:
Всё так же мы искали виноватых,
Чтоб не себя в раздрае обличить...

И новый век, увы, ни чем не лучше:
Всё то же лицемерие и ложь,
Всё те же в октябре на небе тучи
И даже год так цифрами похож...

Менталитет

Если очень много врѣшь —
Значит, долго не помрѣшь.
Если правду говоришь —
На костре судьбы сгоришь.
Если будешь правдолюбцем-
Пулю в лоб от революции
Обязательно получишь.
Не высовывайся лучше!
...И молчим мы – тет а тет —
Ведь такой менталитет
У российского народа
Аж с семнадцатого года.
Так уже сто лет молчит
Или вновь донос строчит
На себя и на соседа
Или пьёт, но до победы,
До последнего глотка,
Как все прошлые века.
От того и Русь жива —
Остальное лишь слова...

Либералам

Либералов резиденты
Снова лезут в президенты.
Так что есть над чем подумать:
Может быть, сначала в Думу
«Казачков» лихих пустить?
Жаль, не можем им простить
Мы эпоху ельцинизма —
Выходцев из коммунизма...

Впрочем, пусть себе кричат —
Наши люди отличат
Кто есть кто теперь уж точно
И придётся всем им срочно
Выдвигать кандидатуру
То ли с пьянки, то ли с дуру
Где-нибудь там – за бугром,
Впрочем, там их ждёт разгром...

Там хотя и демократия —
Понимающая братия!

Толпа

Не поминайте в суете имя Бога
И имена других – бывших вождей,
Остыньте от страстей своих немного
И от чужих желаний и идей.

Вы лишь толпа. Толпа всегда слепа,
Она способна только на погромы,
Она в своём неистовстве глупа,
Не сердцем, а инстинктами влекома.

И у толпы не может быть вождей.
Вожди и Бог есть только у народа.
А крикуны с тех ваших площадей —
Они лишь вожжаки слепого сброда.

Они – ничто. И вы для них – никто.
И всем – никто теперь уже не будет!
Но у толпы всегда есть шанс зато
Однажды вспомнить, что и в ней есть люди...

Поздняя осень

Ещё вчера была зима
И снова осень наступила
Умыла окна и дома,
Но, видно, капель не хватило
Умыть дороги и поля,
Прибраться к своему уходу.
И неумытая земля,
И неумытого народа
Полным полно бредёт домой
Под мерно морозящим душем
В мечтах, как будет им зимой
И лучше и намного суше...

Сегодня третье ноября —
Кончина осени, похоже.
Ворчу я на погоду зря,
Ведь вечной осень быть не может.
Не будем вечными и мы,
Перешагнув рубеж последний —
Канун итогов и зимы...
А что ж тогда было наемдни?

Сосед ушёл

Бреду и старый и усталый
Домой под стареньким зонтом...
Ну вот и осени не стало —
Уйдёт она, а что потом?
Одолевают меня мысли
И я иду, не видя луж...
Жизнь пролетела слишком быстро,
А я ведь был прекрасный муж,
И был отцом, и стал вдруг дедом,
А после деда кем мне быть?
Зайду-ка лучше я к соседу
С ним вместе выпить и забыть
Про этот наш проклятый возраст,
Но нет соседа. Только тень...
Жаль, что явился слишком поздно,
Хотя б на час, хотя б на день
Вернуться в прошлое с ним вместе
И напоследок посидеть,
Но смертью удостоен чести
Опять не я. А мне – сесть
И ждать покуда
И по лужам бродить
Под стареньким зонтом...
Но без соседа будет трудно
Не думать, что нас ждёт потом?

Отречение

Вот и солнце явилось над Доном
И опять ночь ушла за поля
Снег последний исчез у затона,
С добрым утром, донская земля!

Вот и снова дымы над станицей
И опять казаки спешат в храм
За детей, за царя помолиться,
Как положено здесь по утрам...
Ну, а где-то в чужом Петрограде
Этим утром случилась беда
И зачем, почему, чего ради
Царь отрёкся от нас навсегда?
И зачем казаков своих бросил,
Тех, кто верой и правдой служил?
Жаль, не знали мы, что будет осень —
Будут новая кровь и вожди...
А пока в первый мартовский вечер,
Переделав все за день дела,
Пред иконами ставили свечи,
Ведь незыблемой вера была.
Вера в Бога и вера в Отечество...
Пусть Октябрь был ещё так далёк,
Но на этот раз ночь бесконечную
Не разрушит ни солнце, ни Бог...

Красный Дон

Дон мой тихий, Дон прекрасный
Был ты белый, стал ты – красный
Белый снег стал вдруг кровавый.
Неужели Богу мало
Этих жертв? Но Бог молчит.
Только ворон лишь кричит,
Подводя итог неправый...

Улетел орёл двуглавый
С наших стягов за кордон,
Нам оставив красный Дон
В назидание навечно...
Слава Богу, всё конечно!

НОЯБРЬ

Совет врагам

Врагов немало у России
Да и друзей немало есть
И мы не разу не просили
Пощады. Есть покуда честь.
Откуда брались наши силы
Врагам вовеки не понять,
Но даже если бы спросили,
Мы им не стали б объяснять.
А если вдруг они решаться
Проверить так ли мы сильны,
То им придётся обижаться
На весь народ моей страны.
Ну, а друзьям всегда мы рады,
Им наша русская душа
Раскрыта настежь. И не надо
Друзей России обижать.
Иначе встретитесь вы с нами,
Как было это уж не раз —
Однажды где-то во Вьетнаме,
А, может, где-то и сейчас...

Болезнь

Болезнь подкралась незаметно —
Ломает спину, грудь сжимает,
Но ничего сказать конкретно
Не может врач. Я понимаю,
Что он меня расстроить может
И потому не говорит.
Тогда, быть может, Бог поможет
Или душа вдруг повторит
Всё то, что было и, что будет
Не в этой жизни, а в другой,
Когда про эту позабудет...
Но вряд ли буду я собой,
Собой таким, какой сейчас я,
И с болью этой, что в груди,
Я жив ещё и этим счастлив...
Так знать зачем, что впереди?

Хоть это будет нелегко

Оставим в прошлом все грехи,
Все недомолвки и раздоры,
Оставим книги и стихи
И все пустые разговоры
О жизни. Если жизнь прошла,
К чему опять нам возвращаться,
Пусть лучше будет всё как есть.
Успеть бы только попрощаться
Пока мы живы и мы здесь...
А там? Там будет всё иначе
Или не будет ничего.
За жизнь цепляться надо, значит,
Хоть это будет нелегко...
Но, разве, раньше легче было?
Неужто память всё забыла...

Два Ильича

Все смертны. Смерды и цари
И властолюбцы и поэты.
Под Богом все, что говорить,
И тяжело вздыхать при этом.
У каждого из них свой срок,
У каждого свои надежды.
Увы, бессмертным стать не смог
Даже любимый нами Брежнев.
И он в ноябрьский день ушёл,
Испортив всем напрасно праздник,
Другого срока не нашёл,
Чтобы прибраться к Богу, разве?
Но, впрочем, был он атеист,
Как тот, другой Ильич, что рядом —
Такой же главный коммунист
С потухшим, но бессмертным взглядом.
Пришла пора и слёз и драм,
И не последний он, похоже,
Оставил очереди нам
К гробам последователей тоже.
Но это будет всё потом...
Пока ноябрь над Москвою,
И он ушёл. В свой новый дом.

И их уже теперь там двое.
Два Ильича из двух эпох
Лежат перед стеной кремлёвской,
А где-то в небе старый Бог
По ним вздыхает по-отцовски...

Каждому – своё

Любая кровь, пролитая напрасно,
Не воля Бога – воля сатаны.
Любая революция опасна
Не для людей опасна – для страны.

Когда до основания разрушим
Тот старый мир, что будет нам дано?
Безбожные в кровавом буйстве души
Бессмертными не станут всё равно...

Их в рай не пустит Бог. В аду их тоже
Совсем не ждут – там заняты места
Давным-давно такими же безбожными...

И этот мир без веры во Христа
Умрёт. И пусть умрёт ещё не скоро,
Но есть у революции конец.
И Бог их наконец-то всех соборав,
Терновый свой подарит им венец

Как воздаянье по делам прискорбным.
Но нам тогда, как будет воздано
За нашу жизнь?
Ведь век был слишком спорным
И жизнь была прекрасна лишь в кино...

Исход

И я уйду. Никто и не заметит.
Всё будет чередом своим идти,
Как будто я один такой на свете,
Чтобы со мной всем было по пути.
Уходят каждый день – одни, другие,
Ведь мы не замечаем их уход.
Уходят все – хорошие, плохие
И бесконечно вечен тот исход...
И я уйду. И будет всё как было,
Ведь кто-то до меня ушёл вчера.
Хотя нас жизнь неистово любила,
Но кто мы ей? Смерть – всё-таки сестра...

Юбилей

Тихо, по домашнему, отметили
Мы вчера наш славный юбилей.
Выпили и даже не заметили
Подобрили мы иль стали злей...

Просто посидели, помолчали,
Даже не ругали сгоряча
Троцкого, которого венчали
По ТВ на место Ильича...

И очередным ноябрьским утром
Разбрелись в заботах кто куда,
Ну, а революции, как будто,
Не было и вовсе никогда...

Расплата

Крест на крест окна заколочены
Мхом поросло давно крыльцо
Стою у жизни на обочине...
Дождь словно слёзы на лицо
Скатились с плачущего неба.
По мне ли сей небесный плач?
Нет, не по мне. Я, между прочим,
Сюда явился, как палач,
Чтоб довершить, что не доделал,
Чтоб подвести здесь свой итог...

У дома отчего весь белый
Стою. А раньше ты не мог
Явиться в дом, живой покуда,
И навестить отца и мать?
Теперь тебе, как вижу, худо,
И что-то стал ты понимать —
Душа во мне меня изводит...
Я оправдания не ищу —
Ведь всё когда-нибудь проходит,
Жаль, слишком поздно я грущу.
Всё недосуг когда-то было
И даже писем не писал...
А мама так тебя любила!
Молчи! – душе я приказал.

И утерев пустые слёзы,
Я сделал то, зачем пришёл...
...А утром, сняв меня с берёзы,
Сказали люди: отошёл...

Не везёт

Говорят, что деньги зло,
А без денег плохо...
Мне ж на деньги не везло.
— Потому что лохом
Был и будешь ты всегда —
Мне твердили люди.
Но везло мне иногда
И, конечно, будет
Вновь везти когда-нибудь —
Быть того не может!
А, что лох я, ты забудь,
Помоги мне, Боже...
Бог услышал, наконец.
Рубль на дороге
Я нашёл. Вот, молодец,
Так везёт не многим!
А с рублём пора в кабак,
Там напиться вволю...
Только что-то вновь не так —
Я проснулся что ли?

Ангелочки

Все мы в нашем детстве ангелочки
С чистой, как у ангелов, душой.
Начинаем жизнь писать по строчке,
Главное, чтоб свой, а не чужой
Вышел наш роман о жизни нашей,
Чтобы было в нём поменьше лжи...
Это нам сейчас соврать не страшно,
А потом... Стать взрослым не спеши.

Просто в детстве всё чуть-чуть иначе,
Так что зря стремимся повзрослеть...
Мы во взрослой жизни тоже плачем,
Но о детстве по ночам жалеть
Огрубели ангельские души.
Мы уже давно без наших крыл.
Кончились чернила. Свет потушен.
Нашу книгу жизни Бог закрыл...

Любовь Иуды

Что значит Родину любить?
Мне объяснить никто не может.
Как патриотом стать и быть?
Никто не скажет мне, похоже.

Ответов нет ни у кого,
Выходит, нет и патриотов
В стране, где много есть всего —
Богатств, людей и идиотов...

Нет только главного у нас,
Того, что было в прошлом веке —
Нет настоящих слёз из глаз,
Нет состраданий в человеке.

Сегодня каждый – за себя,
Лишь Бог один за всех покуда.
У тех же – кто везде трубят
Как любят Русь – любовь Иуды...

Беспредел

Предела нет для совершенства,
Для радости и для печали
И только миг я был младенцем,
Когда на божий свет встречали
Из колыбели материнской
Меня. И начал Бог отсчёт...
Но я в своей дороге длинной
Дни не считал. И свой отчёт
О том, что в этой жизни было
Я специально не писал,
Но только старость не забыла,
И час её, увы, настал...
Душа, напротив, не хотела
Вдруг оказаться не у дел,
Назло всем срокам не старела,
Такой вот вышел беспредел!
Ну, что ж, конечно, я не вечный,
И жизнь пройдёт почти как миг,
Но я тот самый человечек,
Хотя быть может и старик,
И в нём навряд ли кто узнает
Меня. И я бы не узнал.
Предела нет! Есть жизнь иная,
И старость вовсе не финал...

Бог простит

Всё чаще думаю о Боге
Всё реже о самом себе.
Жалею не себя – убогих,
Своей доверившись судьбе.
Убогих не душой, а телом...
Душой убогих – пруд пруди,
Мне б оказаться не хотелось
С такими рядом впереди,
Когда я сам уйду на небо,
Без состраданий о себе...
Но где бы там я завтра не был,
Всё чаще буду о тебе
Я думать и грустить веками
Средь тех, кто не познал любовь —
С прижизненными дураками...
Я буду ждать с надеждой вновь,
Что Бог меня от них отпустит
И в мир твой снова возвратит...
...Я их оставлю там без грусти
С надеждой, что их Бог простит.

Погост

Дуэльный пистолет уже заряжен
Тридцать шагов отмеряны давно
И кто в живых останется неважно,
Убитому тем паче всё равно.

И будут смыты все обиды кровью
И будет совесть молча донимать
Убийцу, что стоит у изголовья,
А смерть уже готова принимать
Того, кто незаслуженно обижен,
Того, кто не заслуженно убит
В России, а не где-то под Парижем.
Он, слава Богу, будет не забыт...

Прошло уже сто лет после дуэли,
А там ещё сто лет пройдут потом,
Как быстро эти годы пролетели,
А он всё здесь под каменным крестом.
И зимним днём его врага потомки
Живые розы молча принесут,
А про убийцу вряд ли кто-то вспомнит,
Над ним давно свершился божий суд.

Так на Руси у нас всегда бывает —
Дороже жизни честь у нас всегда,

А самых честных часто убивают...

Жаль, слишком много здесь вас, господа.

Смерть

Смерть – костлявая старуха
Притащилась. Вдруг за мной?
Шепчет ласково на ухо:
Не пора ли в мир иной?

И за плечи обнимает —
Так пойдёшь со мной иль что?
Тут душа моя немая
Отвечает: Ни за что!

Рассердилась бабка сильно,
Я ж испуганно молчу...
Ты же, старая, бессильна,
Если сам не захочу!

Шепчут губы мои тихо...
Так её! – кричит душа —
Поищи другого психа,
Мы же нынче без гроша.

Нам на жизнь никак не сбиться,
А на что же хоронить?
А на что отпеть, напиться,
Ты нам сможешь объяснить?

Смерть вошла, похоже, в ступор —
Я богатого найду,
Ну, а ты, запомни, глупый,
Будешь звать – я не приду!

Кровь и надежда

В божьем храме всё, как прежде,
Свечи у икон горят,
О любви и о надежде
Говорят всё, говорят,
А за стенами бушует
Вольный ветер октября...

И куда теперь спешу я?
В храм? На митинг? Может зря,
Окунувшись в непогоду,
И судьбе поддавшись вдруг,
Я иду с толпой народа
Замыкать свой личный круг —
Круг судьбы, чтобы остаться
Там, на площади лежать...

Если честно разобраться,
Надо было в храм бежать,
Но душа туда не хочет,
Очень хочет посмотреть,
Как сегодняшнюю ночью
Кто-то должен умереть...

Умерла страна. Россия.
Но чему тогда я рад —

Как из храма выносили
Бога в тёмный Петроград?
Как толпой его хулили?
Как его распяли вновь?
Как ворота в ад открыли,
Превратив надежду в кровь?

Вновь октябрь. Но всё иначе.
Тот же храм. И тот же я...
К Богу всё вернулось, значит?
Только бы опять не зря...

Арифметика

Так, кто же мы? Нули и единицы.
И в своей массе мы, увы, нули,
А единицы царствуют в столице
От наших нулевых проблем вдали.

Но кто они без нас? Никто они!
Им плохо без нулей, как и без власти.
Чем больше нас, тем радостнее дни
У единиц. И в этом всё их счастье.

Признаемся, и мы без единиц
Не значим ничего, хотя нас много...
Им, значит, править. Нам же падать ниц —
Такая арифметика у Бога...

Наша память коротка

Чёрный ворон в небе белом
На полях кровавый снег
И душа кружит над телом...
Это всё – двадцатый век.
Это всё в забытом прошлом.
Лишь могильные кресты,
Те, что снегом припорошены,
Вне привычной суеты,
Помнят всех из тех, убитых.
Наша ж память – коротка...
Жаль, конечно, тех, забытых.
Хорошо, что нет пока
Новых здесь крестов. Солдатских.
Что не будет их – не факт,
Ведь в беспамятстве признаться
До сих пор нам всем никак...
...В небе белом чёрный ворон.
Снег кровавый. Дождь из слёз.
Смерть вернётся. Но как скоро?
Только в этом весь вопрос...

На склоне лет

Опять страдать и в мыслях изводиться
С самим собой на склоне многих лет
О том что, что могло, смогло не сбыться,
И радости, как не было, и нет...
Её не оказалась снова рядом,
Той, мной самим, придуманной давно,
Жизнь без неё сложилась так нескладно,
Но мне уже похоже всё равно...
Теперь я не борюсь с забытым прошлым,
Я только созерцаю у окна
В своей коморке, в домике заброшенном,
Как меж берёзок прячется луна...
Под лунным светом иней серебрится,
И явно что-то стало холодать,
Пора залезть на печь. Но вновь не спится.
Луна. Мороз. И ночь, чтобы страдать...

Обстоятельства

Порой в своей души порывах
Нам и подумать не досуг,
Что что то с нами не то было,
Что стали мы не теми вдруг.

Какими мы себе желали
Стать в жизни взрослой, но, увы,
Теперь исправимся едва ли.
И мы сегодня таковы

Какими сделали нас годы
И обстоятельства. Они
Сильнее нас. Сильней природы,
А не минувшей жизни дни.

Назвать их можно как угодно —
Они – указывают путь
И лишь они решать свободны
Куда идти. Куда-нибудь...

Октябрь №100

Прошедший юбилей уже забыт
И тихо, без фанфар, он канул в лету
Без покаянных слов. Зато обид,
Зато вопросов много. Но ответов...

Как не было, так и сегодня нет.
И ничему нас жизнь не научила,
Сменился только герб и флага цвет,
А в остальном всё тоже получилось...

Чиновники, такие, как тогда,
И, как-тогда, всё так же воровали,
Тогда была беда, сейчас – беда...
Тогда за что мы жизни отдавали
В далёком том, в том хмуром октябре?

...Но нет ответа также, как в начале
Тех славных дел. Сидим в своей норе
В безденежье, безмолвии, печали...

Дежавю

Смотрю кино. Февраль. Петроград.
Но, странно, почему он мне знаком?
И почему же я ему не рад?
Наоборот – мне грустно вдруг. О ком?
Не помню я не лиц, и не имён,
Одни дома, знакомые до боли,
Да красный цвет плакатов и знамён
И лозунги о мире и о воле...

Но этот город для меня чужой,
Я, точно, в нём ещё не разу не был,
И потому он странный и большой,
Большой, как мир, под серым грустным небом
Совсем не мой. А, может быть, и мой
Когда-то был. Быть может, в жизни прошлой...
И взрослым я по улицам зимой
Шёл вместе с кем-то к Зимнему на площадь...

И в октябре опять тот Зимний брал,
Как на экране в сериальной сказке.
Но я хотя бы никому не врал,
Как нынче врут о тех, пришедших к власти,
И вешают и вешают «лапшу»
На уши нам, сегодняшним незнайкам,
А я смотрю, но верить не спешу,

Ведь я там был! – скажу вам без утайки...

Свершилось!

Свершилось! Ни салюта, ни парада,
Ни толп у входа в вечность – мавзолеей...
И юбилей империи распада
Для нас давно теперь не юбилей.

Быть может, так и лучше всем и проще,
Ведь, каяться не надо за грехи.
Осталась Красной только эта площадь,
Остались Маяковского стихи.

И те уже давным-давно не в моде —
Теперь у нас опять капитализм
И думают совсем не о народе,
И в паспортах уж места нет для виз.

А Родина – была и есть уродина,
Страна скопцов и лохов. Даже Бог
Святой и непорочный по природе
В икону власти превратиться смог.

Свершилось всё, чего мы так хотели,
Но только получилось, как всегда.
И, видимо, мы что-то проглядели,
А, может быть, свернули не туда...

СНЫ

Мне революция давно уже не снится
Видать, я сам изрядно постарел.
Не снится мне ни Дон и ни станица,
Ни как меня водили на расстрел.
Всё это в прошлом. Даже мои сны.
И совесть успокоилась не даром —
Я просто гражданин своей страны,
Ни красный и ни белый. Просто старый.

И сны мои сегодня не опасны
Ни мне, ни тем, кто следует за мной.
Вчера я белым был, сегодня – красный,
Лишь только в снах. Но сон очередной
Ко мне сегодня так и не явился
И сразу же в историю ушёл.
Быть может, я теперь другому снился,
И час его сражаться в нём пришёл...

Как дожить бы до утра

Разухабилась дорога —
Не проехать, не пройти
Ни до дома, ни до Бога,
Где б пристанище найти?

Как бы ночку продержаться?
Как дожить бы до утра?
Можно, если постараться...
Ночь, как чёрная дыра.
Ни луны, ни звёзд не видно,
Только слышен волчий вой.
Помирать вот так обидно
И кричу я им: я свой!

Тем кричу, за перелеском,
А в ответ лишь тишина...
А ведь ждут меня с оркестром.
Был герой. Теперь хана

Видно, мне пришла сегодня,
Видно, нынче не герой...
Тут и солнце встало вроде
За знакомою горой.

Ни волков кругом, ни бесов,
За дорогой отчий дом.
Иногда кричать полезно,
Страх припрятав на потом...

Такая вот страна

Мороз неожиданный к нам нагрянул
Всё в нашей жизни, как всегда.
У нас же вновь неделя пьянок
И нам мороз тот ерунда.
И не такое пережили
И мёрзли, но пока живём.
Мы это право заслужили,
Не потому, что много пьём.
Своё мы Родине отдали,
Себя сполна и до конца,
Но нет ни денег, ни медалей,
И пусть давно сошли с лица.
И пусть теперь бомжами стали,
Мы Родину свою простим,
Хотя мы жить в ней так устали,
Но ничего мы не хотим
От тех, кто много обещает,
Но слов не держит никогда.
Пусть Бог им всё теперь прощает,
И он простит их, как всегда.
А нас на Родине не вспомнит
Никто. Такая вот страна —
Бомжи – они по жизни скромные,
Но вряд ли это их вина...

Разводящие

Эпоха разводящих наступила
Теперь разводят, как мосты, людей.
Страна разводов и страна распила,
Чинуш-воров и нищенок-блядей.
Разводят нас на всём: на обещаниях
Красивой жизни. А дают гроши,
Потом пинок под зад и на прощание
Большой совет: ты правды не ищи.
Себе дороже будет. Ну, а правда,
Она у разводящих, как всегда,
Да и тебе проблемы вряд ли надо...
Проблем не надо. В этом и беда.

К Элизе

Играет девочка Шопена,
Элизой девочку зовут,
И льётся музыка со сцены
И годы снова оживут
В тех звуках сказочных. И память
Вернёт меня в мои года
И сердце вновь охватит пламя
И вновь вернёт меня туда,
В тот мир, где девочку я встретил,
И пусть её зовут не так,
И тот единственный наш вечер
Теперь остался лишь в мечтах.
Мне эта музыка напомнит,
Что звали девочку – Элен.
Она меня вдруг тоже вспомнит,
Хоть я, к несчастью, не Шопен...

Полонез Огинского

Звучит из окон полонез...
Тоска по Родине сжигает...
Осталось времени в обрез
И смерть вне Родины пугает...
Париж, Париж, будь проклят ты,
И все парижские красоты,
И все о Родине мечты,
И мы в Париже – патриоты...
Покинуть Родину легко,
А возвратиться очень страшно-
Россия слишком далеко,
Хотя она и в сердце нашем...
Но примет ли она назад,
Предавших Родину однажды?
Не зря ж в народе говорят,
Что в реку не заходят дважды...
А жизнь – такая же река
И годы – воды в ней уплыли,
Осталась только лишь тоска
И Русь, в которой нас забыли...

Козёл и капуста

Козла пустили в огород,
Чтоб ночью охранял капусту,
А вышло всё наоборот-
Цел огород, но в нём-то пусто...
Хоть вряд ли сделал он со зла
То, что не мог козёл не сделать...
А, впрочем, что возьмёшь с козла,
Коль кушать очень захотелось!
...Смысл этой басни очень прост:
Покуда водится «капуста»
В иных карманах – не вопрос,
Что вдруг и в них не станет пусто...

Памяти воинов-интернационалистов

Как много было тех боёв,
Как и героев, неизвестных
И лишь теперь мы воздаём
Им почести. И если честно,
Они сражались там не зря.
И пусть иные «патриоты»
Сегодня много говорят,
Что есть у нас свои заботы,
Что нам те войны ни к чему
И пусть другие там воюют!
А я спрошу их: почему
Забыли истину простую
Сегодня эти крикуны?
За тем, чтоб не было войны,
Сражались мы так далеко.
Теперь о том кричать легко
Здесь, за спиной большой страны...
И пусть не знаем их имён,
Но помним всех их поимённо,
Цветы несём холодным днём
И приспускаем вновь знамёна
Пред вечной памятью о тех
Из дней таких уже не близких —
Они сражались за нас всех.
Вот, почему у обелиска

Мы в этот день все как один —
Мы мир войне не отдадим!

Мим

Не дай себя им обмануть,
Тебя и так жизнь обманула.
Увы, им совесть не вернуть —
Её у них, как ветром, сдуло...

Дай обмануться им самим,
Дай им хотя б надежды крохи,
А ты – ты просто в цирке мим,
Немой как совесть всей эпохи...

Для правды не нужны слова
Достаточно простого жеста...
Не мы, а совесть в нас права,
Если, конечно, есть ей место
В их разжиревших телесах,
В мозгах, заплывших от разврата.

Навряд ли. Совесть в небесах
И не захочет к ним обратно...
А ты – ты мим, молчун наш добрый,
Готов им всё опять простить?
Ты в зал всмотришь – там всюду кобры,
Тебя готовы проглотить...

Найти ответ

Ты, что в обиде на страну?
И чем она тебе не мила?
А, может, чувствуешь вину
За всё, что с ней когда-то было?
А может, может, может, может...
Вопросов тьма в моей душе
И даже Бог мне не поможет
Найти ответ. Или уже
Нашёл и сам себе ответил?
Но он, ответ тот, только мой.
Как постарел сам не заметил,
Но надо же – ещё живой!

А, значит, есть покуда сила
Искать и даже отвечать,
Но тут опять душа спросила:
Всё, может, заново начать?
Начать любить и ненавидеть,
Начать доказывать... Кому?
А мне хотелось лишь увидеть,
Свет в небе снова, а не тьму...

Когда уже за шестьдесят

Когда за шестьдесят уже давно,
Признать сей факт и самому признаться,
Что с прошлым нам пора давно расстаться,
Не каждому из нас, увы, дано.

Одни спешат с проблемами покончить,
Чтобы уйти от жизни на покой,
И, в тишине квартирной, жизнь закончить,
Другие – во все тяжкие в запой,
Чтоб оторваться от забот вчерашних,
Как кажется им, раз и навсегда.
Лишь я, как молодой и бесшабашный,
Всё тороплю вперёд свои года.

Успеть хочу не просто всё доделать,
А что-то необычное свершить,
Хотя бы свою старость пережить,
Чтоб и она со мной помолодела...

ДЕКАБРЬ

Зима

Опять зима. И белый снег летает
Декабрь завёл весёлый хоровод
Снег падает на землю и не тает
Так, смотришь, и сугробы наметёт...

А там, за снегом, к нам придут морозы
И будут звёзды яркие гореть
И на лице твоём замёрзнут слёзы
Их только я сумею отогреть...

Опять зима. Но ты её не бойся
Всему есть срок. И ей придёт конец
Пока же мы с тобой на тройке бойкой
Помчимся в Храм и встанем под венец!

Ангел

Отступился. Отступился. Отмолчался.
Только почему душа в слезах?
Не заметил даже, как скончался,
Оказавшись вдруг на небесах...
Не заметил, как стал божьей птахой,
Как вдруг крылья новые обрёл,
Как летал без боли и без страха...
Там, внизу никто был, здесь – орёл!

Там, внизу, такие, как когда-то,
Был я сам. Там – нищие душой,
Во грехах пред Богом виноватые,
Но никто там Богу не чужой...
Вот и я ему вдруг приглянулся
Потому – сам соткан из грехов.
Умер я. Но ангелом вернулся
Для других, для праведных стихов...

Совесьть

Однажды потерявший совесть,
Её навряд ли обретёт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.